

- ская защита // Психологический журнал. – 1994. – № 1. – С. 3–16.
10. Анцыферова Л.И. Психология формирования и развития личности // Человек в системе наук: сборник. – М.: Наука, 1989. – 504 с.
  11. Александрова Л.А. Психологические ресурсы адаптации личности к условиям повышенного риска природных катастроф: дис. ... канд. психол. наук. – Кемерово, 2004. – 207 с.
  12. Леонтьев Д.А., Рассказова Е.И. Тест жизнестойкости. – М.: Смысл, 2006. – 63 с.
  13. Мадди С. Теории личности: сравнительный анализ / пер. с англ. – СПб.: Речь, 2002. – 542 с.
  14. Antonovsky A. Health, stress, and coping. – San Francisco: Jossey-Bass Publishers, 1979. – 255 p.
  15. Березкина О.А. Актуализация и развитие жизнестойких качеств личности будущих специалистов. дис. ... канд. пед. наук. – Комсомольск-на-Амуре, 2006. – 305 с.
  16. Логинова М.В. Жизнестойкость как внутренний ключевой ресурс личности // Вестник Московского университета МВД России. – 2009. – № 6. – С. 19–22.
  17. Селигман М.Э.П. Новая позитивная психология: Научный взгляд на счастье и смысл жизни / пер. с англ. – М.: София, 2006. – 368 с.

Поступила 10.09.2012 г.

УДК 18

## ПРОБЛЕМА ЭСТЕТИЗАЦИИ ПОВСЕДНЕВНОГО УРОВНЯ СУЩЕСТВОВАНИЯ

М.В. Думинская

Сургутский государственный педагогический университет  
E-mail: marina-duminskaya@yandex.ru

*Рассматриваются процессы эстетизации повседневной жизни человека, которые приобретают сегодня всеобщий и весьма неоднозначный характер. Актуализируются проблемы псевдоэстетизации и экспансии эстетического потребления как феноменов онтологической утраты и экзистенциально-антропологического кризиса. Обоснована необходимость «очищения» эстетизированных форм повседневности, высвобождения подлинного эстетического начала как фундаментального основания экзистенциального развития личности.*

### Ключевые слова:

*Онтологическая эстетика, эстетическая природа бытия, эстетический феномен, эстетическое событие, экзистенциальное развитие, метафизическое переживание.*

### Key words:

*Ontologic esthetics, esthetic nature of life, esthetic phenomenon, esthetic event, existential development, metaphysical experience.*

В современном мире повседневность все больше поглощается феноменом эстетизации, приобретая всеобщий характер, затрагивая, по сути, все сферы человеческой жизни, и характеризуется как процесс, тотально захвативший современную культуру. Эстетизация, как считает Т.М. Шатунова, «... достигает той меры, когда естественно думать об эстетическом как о некотором всеобщем основании, фактуре ткани современной культуры» [1. С. 204]. Все более востребованными оказываются различные технологии «эстетического» усовершенствования собственного тела, образа жизни, мыслей, моральных ценностей, социально-культурных и духовных практик, лежащих в основе формирования homo aestheticus современной культуры. Эстетизм становится определяющим фактором жизненного праксиса Я, является условием реализации технологии улучшения своего «пребывания» в мире повседневной реальности.

Однако проблема состоит в том, что такая глобальная тенденция эстетизации повседневного зачастую получает негативные оценки, характеризуется как весьма агрессивный процесс, несущий в себе достаточно разрушительные последствия. Так, например, Ж. Бодрийяр видит опасность «эстети-

ческой инфекции» в том, что она распространяется не только на уровне материальной, социальной реальности, но и фиксируется на более глубинных онтологических основаниях. Указывая на «нарушение тайного кода эстетики», он с нескрываемым негодованием подчеркивает, при этом все стали «потенциальными творцами», стремящимися к самовыражению и обретению собственной символической значимости, «...все ничтожество мира оказалось преображенным эстетикой.... самое банальное и непристойное – и то рядится в эстетику, облачается в культуру и стремится стать достойным музея» [2. С. 25]. Эстетическое, в каких бы формах воплощения оно бы не присутствовало в жизни и в какие бы именованья не приобретало (эфимерное, минимальное искусство, антиискусство), по сути, все это свидетельствует о его собственном исчезновении. С позицией Ж. Бодрийяра в этом отношении трудно не согласиться. Ведь действительно, в мире столь динамичной и фрагментарной повседневности человек, увлеченный решением сиюминутных проблем, старается, так или иначе, приукрасить свое наличное существование. Эстетическое стало восприниматься в качестве неотъемлемой антропологической компоненты повседневного бытия.

В результате сегодня мы являемся свидетелями того, что в основном наши первичные гедонистические потребности, выраженные в установке «быть счастливым», «жить в удовольствие», «жить красиво», оказываются не нуждающимися в фундаментальном обосновании, а становятся проявлением широко распространенной потребности в эстетическом как чувственном восприятии мира, способном разбудить в нас особого рода эмоциональные переживания. При этом пространство эстетических ожиданий все более расширяется, что требует достаточно больших усилий в их поддержании и воспроизводстве адекватных средств их оправдания. По сути, речь идет о возвращении эстетической культуры потребления, об экспансии эстетического производства.

Люди оказываются значимыми друг для друга в качестве эстетически ориентированных потребителей. Более того, человек сам становится эстетизированной формой повседневного — неким виртуальным персонажем, более или менее подходящим под разнообразные эстетические стандарты, действующие в качестве эталонов повсеместной красоты, наружной привлекательности. То есть человек сам, по сути, становится товаром, предметом потребления, который должен быть красиво представлен. Т.М. Шатунова обращает внимание на то, что «... пространство частной жизни заполняется всякими имиджами, стилями, стандартами и паттернами». Примеряя на себя их воздействие, человек в итоге отождествляется с ними, порой даже не замечая за этими внешними «одеждами» своей внутренней сущности, становится продуктом их приятательного влияния, превращаясь в нечто производное, вторичное, имеющее внешний блеск, но потерявшего при этом самого себя [1. С. 273]. Это значит, что человек как потребитель эстетического на уровне повседневного утрачивает способность к восприятию и пониманию подлинности Красоты как основной эстетической категории. Подлинность бытийственной природы эстетического подменяется псевдоэстетизмом, псевдокрасотой, заполняющей собой все сферы жизни человека, устойчиво утверждаясь в позиции обывательского пресыщения: «красиво жить не запретишь». Красота же, как отблеск Прекрасного, стирается в своей смысловой глубине, а на поверхность выступают ее искаженные лики, вытесняя все экзистенциально-метафизические константы, определяющие подлинную сущность бытия.

Причем происходят такие существенные видоизменения признаков, характеризующих эстетические проявления человеческой жизни, которые зачастую обнажают неполноту и несовершенство ее актуализации в повседневной действительности, иногда представляя собой нулевую, если не отрицательную степень эстетического. Наиболее отчетливо это отражается в феномене «присвоения эстетического» или, иными словами, «телесного присвоения красоты», когда наличное обладание красотой, красивым предметом, вещью, телом сводит-

ся к ощущению обладания красотой самой по себе и человек может вполне удовлетворяться таким самообманом. Более того, внешняя красота может успешно прикрывать внутренне безобразное содержание. Приращение красотой на телесном уровне приводит к мимолетности эмоционального удовлетворения, втягивая человека в бесконечную погоню за мнимостью обладания подлинной Красотой. И в то же время осознание невозможности полноты ее присвоения погружает в тоску недостижимого соблазна, порой ввергая человека в состояния эстетически деструктивного характера (пресыщенность, усталость, желание опорочить, низвергнуть прекрасное как таковое).

Иными словами, современная ситуация эстетобитийствования человека на повседневном уровне зачастую связывается с антропологическим кризисом, феноменом онтологической утраты, т. е. с экзистенциальными проблемами бытия. Но, с другой стороны, эстетическое рассматривается и в позитивном ключе как источник «экзистенциального освобождения» личностного начала от различных форм наличной обремененности, определенности, неподлинности существования, подавляющих онтологическую сущность, и в том числе от «своеволия» самого же эстетического.

Двойственность, неоднозначность статуса эстетического, выраженного в одновременном проявлении и преломлении его бытийственной природы на уровне повседневного, попадает в поле особого внимания современной онтологической эстетики и порождает множество вопросов, связанных с постижением сущностной специфики бытийственной природы эстетических феноменов и определением разрешающих возможностей эстетического как такового. В чем проявляется предельность эстетического самоосуществления на уровне повседневного? Каким образом осуществляется процесс эстетизации на уровне повседневного существования? При каких условиях открывается возможность превосходения Я, выхода за пределы эстетизированной повседневности? Как обнаружить и войти в портал эстетического преобразования Я, выйти в иные онтологические уровни бытия, где открываются пути метафизического роста личности? Все эти вопросы позволяют высветить проблему «высвобождения», «очищения» подлинности эстетического на уровне повседневного существования личности.

Постараемся определить источник такой неоднозначности и противоречивости отношения к процессам эстетизации повседневного существования. На наш взгляд, основная причина сложившейся ситуации кроется в первоначально заложенном смысле понимания эстетического, который определялся кругом проблем, связанных с осмыслением эстетики как «теории чувственности» (А. Баумгартен), в частности истолкования эстетического как чувственного начала, как способности человека воспринимать особую сферу эстетических сущностей [3]. Важным здесь является то, что

само истолкование феномена «эстетическое начало», схваченное в своем определении как «эстетически чувственное», обнаруживает свою амбивалентность, изначально проявляясь как способность воспринимать первично данные (витальные) качества вещи и затем воспроизводить эмоционально-чувственную окрашенность по отношению к полученным перцептивно воспринятым качествам. В итоге порождается многообразная гамма эмоциональных ощущений, связанных, например, с переживанием чувства влечения, желания, восхищения, отвращения, удовольствия, боли, страха и т. д.

В результате в жизненном опыте субъекта открывается сфера примитивных, чувственных эмоций, вызывающих стремление к увеличению наслаждения, получаемого от предметного качества воспринимаемого Другого. Жажда полного насыщения, обладания им, возводит Другого в статус особой привлекательности, значимости, заинтересованности, что делает его желанным, тем самым определяя направленность чувственных интенций. Намечается круг жизненных устремлений, страстей, интересов человека, порой даже не связанных самим объектом влечения, но эмоционально вызываемых им. Формируется форма чувственности в соответствии со «вкусом чувственной заинтересованности», «вкусом природы». Человек испытывает непосредственное удовольствие от власти простого чувственного эстетизиса, субъект сливается, отождествляется с объектом своей чувственности. Подчиняясь чистому аффекту, он оказывается не способным разорвать свою привязанность к предмету чувственного удовольствия, нейтрализовать зависимость от аффекта. Я нивелирует необходимость репрезентативного дистанцирования от объекта своего чувственного восприятия.

Такая ситуация изначальной проявленности эстетического на уровне повседневного обуславливает характер его определений: примитивная, телесная, дорефлексивная сфера эстетизиса, начальная «непреднамеренная» (Я. Мукаржовский) стадия эстетического процесса, «жизнь эстетической непосредственности» (С. Кьеркегор) и т. д. Однако следует признать, что сенсуальный («низший») уровень проявления эстетического как чувственно-го, заложенного в его основании, предвещает переход к подлинно эстетическому, но не в коей мере не сводится к нему.

Следует отметить, что различные варианты эстетизации существования как технологии преобразования наличной данности начинали складываться в философско-эстетической традиции еще со времен Античности и были связаны, по мнению М. Фуко, с реализацией основного жизненного практического принципа — «заботой о себе». Когда эстетическая активность становилась практическим способом воссоздания личной жизни как собственного произведения искусства, созиданием ее наиболее совершенной прекрасной формы. Такой процесс эстетического самосозидания предпо-

лагал постоянный самоконтроль, самоподчинение, самоутверждение вне зависимости от общепризнанных правил и норм. В теории «эстетики существования» Фуко утверждает основной смысл «эстетического освобождения экзистенции»: Я должно работать над красотой собственной жизни. По сути, самоэстетизация выступает здесь способом обретения индивидуальной свободы и самодостаточности. Эстетизм жизни понимается как процесс изменения самого себя, как трансформация собственного существования [4. С. 29].

«Забота о себе» как фундаментальный экзистенциальный принцип «эстетики существования» оказывается в центре экзистенциальной аналитики М. Хайдеггера, который в своей работе «Бытие и время» разворачивает картину изначальной заброшенности человека в мир сущего — область аффективного, повседневного, вещного существования, в котором Dasein предстает как Бытие-в-мире [5]. На этом уровне телесного, нерелексивного существования, т. е. неаутентичного способа бытия, Dasein дана способность к чувственно телесной согласованности с миром, т. е. некоего предписанного, априорного отношения с вещами. Тем самым утверждается изначальная эстетичность феноменологического существования.

В «Лекциях о младенчестве» Ж. Лиотар, развивая тему феноменальности телесного существования, уподобляет его рождению, состоянию младенчества, безмолвия (in-fans) — «здесь» до того как мы есть, и называет данность такого пребывания «телом младенца». Е.А. Найман, анализируя концепцию телесного аистезиса Ж. Лиотара, пишет, что, согласно представлениям французского философа, тело не есть некая данность «Я», связанная с фактом рождения. Собственное проявление Я «рождается» несколько позже — в событии утраты безмолвия, только после того, как испытает момент первичного эстетического *соприкосновения* с бытием, возникающего прежде какого-либо представления [6. С. 284]. Быть, в его понимании — значит быть «здесь и сейчас», быть раскрытым эстетически темпорально в пространстве и времени. Эстетическое отношение в этом смысле связано с чувством первого соприкосновения с миром Другого.

Это изначальное, феноменально-чувственное соприкосновение Я с миром сущего в дальнейшем может принимать различные, даже противоположные траектории своего развития, которые определяют направленность вектора экзистенциального самоосуществления личности. В этом вопросе особую значимость представляют размышления, связанные с осмыслением проблемы высвобождения подлинности эстетического на повседневном уровне бытия. Наиболее продуктивными в этом отношении становятся проекты экзистенциального развития *homo aestheticus* современной культуры, взятые в метафизической перспективе рассмотрения. Метафизическая проекция существования для человека во все времена и при любых условиях остается открытым экзистенциальным вопросом и тре-

бует своего ответа. А в ситуации метафизической пустоты, метафизического вакуума, тотальной неопределенности человек, как никогда ощущая свое состояние-замирание в этой экзистенциальной бреше, стремится вырваться из Ничто — чувственной пустоты своего бытия всевозможными способами.

В этой связи интересны размышления Б. Хюбнера, который в своей работе «Произвольный этос и принудительность эстетики» пытается провести различие и соотношение эстетического и этического, при этом снимая приоритетность этического статуса в жизни современного человека. Он считает, что сегодняшний а-этический, де-проецированный человек «инсталлировал себя в эстетику», выбирая эстетическое в качестве определяющего способа своей повседневной жизни, компенсирующего дефицит ее этической составляющей. Интерпретируя эстетические формулировки Кьеркегора, он приходит к заключению, что эстетический человек «непосредственно является тем, что он есть» ( $Я=Я$ ), есть де-проекция на свое собственное Я. Такой человек отдает себя во власть дискретности, случайности существования [7. С. 59]. Если, согласно Кьеркегору, эстетический образ жизни ввергает человека в состояние отчаяния от обреченности пребывания в постоянной погоне за наслаждениями, то Б. Хюбнер полагает, что современный человек «потребительски-эстетического общества, настроенного на перманентное экспансивное производство и потребление предметного мира наслаждения, вряд ли станет отчаиваться по этому поводу. Напротив, эстетическое становится средством от скуки, возникающей у конкретных людей с их соответствующими возможностями, опытом, потребностями и жизненными мирами. Именно поэтому изначальное эстетическое самоопределение сводится к формуле:  $Я=Я$ . Это говорит о том, что Я определяется посредством самого себя и вся многообразная деятельность Я, ориентированная на некоторое преобразование действительности, оказывается направленной на самое себя. Основной ее целью становится выведение себя из состояния скуки — ощущения заточения, неподвижности, ненужности своего рождения и смерти, т. е. нудного течения времени, лишнего событий. Это становится возможным посредством приведения себя в яркое эмоционально-психическое состояние (возбуждение, экстаз, упоение и т. д.). Иными словами, эстетизация жизни, по Хюбнеру, — это актуализация метафизической потребности человека прорваться за пределы чувственной пустоты мира повседневности. Ситуация разрешения экзистенциально-метафизической опустошенности раскрывается им через образ восхождения Я на некую «вершину-восемьтысячник». Он описывает парадигмальную ситуацию метафизической нуждемости человека, не востребованного в качестве такового в обществе, погруженного в поток повседневной, эстетически-банальной жизни. Человек ставит перед собой «вершинные цели», способные вырвать собственное Я «из себя», катапуль-

тироваться в иное измерение, где жизнь станет легкой и ее не нужно будет «время от времени искусственно утяжелять ради обострения чувства жизни» [7. С. 86]. Речь идет о стремлении человека к иному — метафизическому удовлетворению, свершению себя как трансценденции. Исходя из этого, различные проекции бытийствования как формы эстетизации жизни становятся способами разрешения метафизической озабоченности современного человека.

Однако автономным субъектом эстетического потребления, «нигилистического человека, никому и ничем не обязанного», преимущественно руководит «эстетика воздействия», «эстетика очарования и соблазна». Я позволяет руководить собой сиюминутно вспыхнувшим чувствам, а Другое (мир, люди, вещи) имеет для него ценность лишь в функции эстетической способности чувственно побуждать, восхищать, увлекать, прельщать и т. д. Причем в этой форме взаимоотношений недостаточно только быть потребителем, необходимо еще и самому производить эстетическое. Ведь для того, чтобы быть воспринимаемым Другим, нужно привлекать к себе, поражать чувственное начало Другого с тем, чтобы получать эстетически воспринимаемое сам-удовлетворение в его глазах.

Феномен скуки разворачивается здесь в своем метафизическом смысле и понимается как стимул деятельности, направленной на превосходение Я и проецирования себя на Другое. Собственно, этот момент и имеет для нас ключевое значение, поскольку возможность эстетически-экзистенциального превосходения человека Б. Хюбнер усматривает в «эстетическом этосе», выраженном в «эстетике истины обязующегося человека» [7. С. 79]. А это значит, что эстетическому модусу существования придается априорный статус как предопределяющего возможность этического отношения на уровне повседневного существования. Ради самого себя Я должно стремиться превратиться в Другого (метафизически конституированный образ), идентифицироваться с Другим. И в этом смысле изначально заданная формула тавтологического заточения  $Я=Я$  преобразуется в формулу  $Я=Другое$ , которая в данном случае обретает совсем иное — экзистенциально-событийное содержание.

При этом в качестве Другого может выступать все, что угодно: абсолют, партия, идея, задача, представление, знак, текст, изобретение, имя, символ и т. д. Главное, что это Другое овладевает, захватывает, поглощает Я, конституирует смысл его жизни, становясь самоцелью. Другое служит исполнению желаний, проецируемых из несовершенного мира, экстатически трансцендирует данное мгновение. Человеком движет установка: «Я экзистую только ради Другого и посредством Другого, без Другого Я ничто». Нуждаясь в Другом, Я двигается к этому Другому ради того, чтобы жить экстатично, насыщенно. При этом Я оказывается в состоянии должествования — Я должно удовлетворять эстетическим ожиданиям Другого. Речь об

одном из способов эстетической идентификации Я на повседневном уровне существования, в котором усматривается метафизическая перспектива экзистенции «де-проецированного человека»: Я инициирует свое движение к Другому, т. е. экзистенциально трансцендирует, экзистенцирует, испытывая при этом удовольствие, радость, экстаз, чарующую взволнованность. Хотя, если взглянуть на ситуацию с другой стороны, Другое выступает не столько смыслом экзистирования Я, сколько средством, инструментом освобождения от своей де-проекции, бегства из Я. В метафизическом смысле совершенно не имеет значения достигнет ли Я Другого, откроется ли Другой в своей истине, сущностной красоте. Напротив, экзистенциальную ценность обретает само движение, которое, по сути, есть побег от какой-либо статичной наличной определенности в бытии. В этом движении-трансценденции в качестве своего вознаграждения Я испытывает особые состояния эмоционально насыщенных переживаний, снимающих «скуку» как экзистенциальную апорию.

Эстетическое в контексте повседневности рассматривается Хюбнером, прежде всего, как сфера удовлетворения человеческих желаний и прихотей, как способ первичного удовлетворения метафизической потребности Я, посредством искусственно вызванного эмоционально-эстетического переживания.

Мы полагаем, что в рассмотренной нами концепции «эстетического этоса обязующегося», согласно которой процесс «подлинной» эстетизации возможен как «эгоцентрическое» движение-трансцендирование от Я к своему Другому, утверждающее устремленность к красоте нравственного, скорее определяет горизонтальную направленность вектора экзистенциального развития человека, который может увести в «дурную» бесконечность устремленности за иллюзией метафизического и эстетического в подлинном смысле слова.

Подтверждением этому является попытка немецкого философа воссоздать «таблицу эстетического». Мы живем, пишет Бенно Хюбнер, «... посреди развязной, вышедшей из берегов предметной эстетики», «...мы имеем едва обозримое изобилие данностей и событий», которые особым образом воспринимаются, познаются, духовно перерабатываются. Это, например, эстетика ландшафта и эстетика микромира, индустриальная эстетика и архитектура, инсталляция, хепенинг, мода, туризм, виртуальная реальность и т. д. «В результате мы имеем дело с эстетикой восприятия, внутри которой мы можем различать не только «эстетику восприятия чувственного» (эстетику зрения, слуха, вкуса, осязания, обоняния), а также «эстетику восприятия не чувственного», т. е. только представимого, концептуального артефакта (например, исчезающий километр de Maria). Воспринятые объекты вызывают в реципиентах, потребителях (эстетика потребления) определенные эффекты, ощущения, впечатления, эмоции, что уже стано-

вится темой эстетики воздействия, внутри которой в свою очередь мы можем различать эстетику очарования, переживания, удовольствия, смущения....» [7. С. 152].

По нашему мнению, «предварительная» стадия эстетизации повседневной жизни может рассматриваться как самый низший уровень, определенным образом предваряющий активизацию эстетических механизмов, продуцирующих экзистенциальное развитие личности. Собственно, на данной ступени процесса эстетизации Хюбнер приостанавливает свои размышления. На наш взгляд, это весьма ограничивает понимание онтологической, феноменальной сущности эстетического, поскольку здесь происходит смешение гедонистического и эстетического начал, что, собственно, нивелирует метафизические возможности онтологии эстетического в целом. В тоже время следует указать, что предварительная стадия эстетизации, рассматриваемая в перспективе экзистенциального свершения личности, может стать для Я тем самым особым событием, с которого начинается развитие эстетически событийных отношений с миром сущего.

Будучи погруженным в эту мозаичную сферу поверхностного эстетизма обыденной эмпирической жизни, человеку необходимо вырваться за ее пределы. Трансцендирование должно носить восходящий характер, поскольку только тогда мы можем говорить о процессе конституирования личности в метафизическом плане. Когда результатом такого прогрессивного экзистенцирования станет открытие новых онтологических валентностей, произойдет то, что Джанни Ваттимо называет «облегчением бытия» [8. С. 82].

Человек должен искать глубинные основания для трансцендирования внутри самого себя, быть ответственным перед красотой мира, которую он может «комкать и уничтожать, но может и усиливать и растить», выбирая путь расширения соприкосновения со сферой прекрасного, приумножая красоту в мире [1. С. 121]. Любование красотой наличного сущего отсылает нас к отысканию красоты внутренней и далее, к развитию эстетической способности воспринимать, усматривать, улавливать Красоту, Прекрасное как таковое в своей подлинной онтологической, символической форме. Невыразимое «просвечивает» в Красоте как конкретном выражении Прекрасного. В таком случае красота человека (вещи, события, Другого, бытия) открывается как феноменальный (вещественный) аналог метафизически Прекрасного, что само по себе чувственно выводит нас в сферу абсолютного бытия, приоткрывая зримую гармонию Прекрасного. Прикосновение к подлинной красоте вызывает некое «томление по метафизическому» и чувство безотчетного наслаждения, духовного счастья. Так М.Т. Шатунова образно пишет о способности человека чувствовать оттенки красоты многогранных проявлений жизни. И не только красоту молодости и расцвета, но и «красоту изломанных побегов и увядания, дисгармонии и хаоса. Мы готовы

обнаруживать, что иногда разрушение, распад и уход таят в себе собственную красоту, мы способны воспринимать бесконечные переходы красоты и безобразия» [1. С. 82].

Повседневность наполнена, пронизана проявлениями красоты, мы ее слышим, видим, чувствуем. Красота словно проступает в своей явленности в налично-данном выражении тела, вещей, звуков, движений, света, ощущений, отношений, событий и т. д. Будучи уловимой, как отзвук Прекрасного, она может расцвести при условии постоянной «заботы», а может померкнуть во тьме безразличия, так и не осветив собой сущее. И в этом смысле красота весьма хрупкое, тленное, проходящее явление. Требуется значительные усилия для удержания присутствия красоты в реальных пластах бытия. Не зря говорят, что «красота мимолетна». Вещь, будучи принятой в качестве красивой, рано или поздно может перейти в разряд обыденного, привычного, неприятного и тем самым утратить статус своей субъективной принадлежности к метафизически прекрасному. Но в любом случае открытие в себе или Другом ликов красоты бытия всегда есть «живые» события, есть «просвет» бытия, которые постоянно питают и оживляют метафизические начала личности.

На уровне повседневности человек испытывает экзистенциальную потребность в пробуждении эстетического начала. Будучи погруженным в изобилие эстетизированных форм внешнего мира, порой ничего эстетически подлинно в себе не несущих, Я утрачивает способность быть эстетически подвижным, динамичным, живым. Симуляция эстетического, по сути, ведет к ее исчезновению, сокрытию. Эстетическая инертность, «застой» внутреннего Я проявляется в движении, не способном вывести за свои собственные пределы, — это постоянное вращение вокруг своей оси в бесконечном воспроизведении одних и тех же действий, на-

правленных на присвоение мира эстетически чувственной данности. Но испив столь желанную чашу до дна, человек по-прежнему оказывается то-мимым жаждой не восполненного самонасыщения. Симуляция эстетического бытийствования, по сути, ведет к исчезновению эстетического Я, оставляя за собой шлейф утраченной возможности подлинного онтологического самоосуществления. В этой «призрачности», «мнимости» эстетобитийствования на повседневном уровне присутствует какая-то отрицательная напряженность — форма экзистирования со знаком «минус». Человек эстетически (онтологически) либо восходит к себе, либо нисходит, утрачивая свои способности, впуская растративая свой онтологический запас. Для современной ситуации характерным является опасность все большего погружения Я в сферу трансэстетической самосимуляции, где происходит экстенсивное низвержение, беспредельная «инфляция» эстетической самооценности.

Таким образом, современный человек постоянно балансирует между полюсами эстетизированного прозябания и эстетического самосозидания. И на этой грани необходимо найти в себе точку отсчета, точку собственного роста, с которой откроются новые перспективы эстетического очищения, самообновления от всего наносного, трансэстетического — ситуации, когда все признается эстетическим, не имея на то онтологических оснований. Откроются новые способности к возрождению и эстетическому наполнению фундаментальных оснований своей жизни в подлинном смысле слова. Для этого псевдоэстетизм должен быть нейтрализован самим человеком, через возрождение, высвобождение в самом себе эстетически качественного начала, способного воспроизводить механизмы онтологического самопревосхождения, экзистенциального свершения, устремленного к событийному открытию подлинной Красоты Бытия.

#### СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Шатунова Т.М. Социальный смысл онтологии эстетического: дис. ... д-ра филос. наук. — М.: РГЕ, 2008. — 347 с. URL: <http://www.dslib.net/responses.html> (дата обращения: 11.01.2012).
2. Бодрийяр Ж. Прозрачность зла. — М.: Добросвет, 2000. — 258 с.
3. Баумгартен А. Философские размышления. Эстетика (Фрагменты) // История эстетики. — Т. 2. — М.: Памятники мировой эстетической мысли, 1964. — 452 с.
4. Technologies of the Self. A seminar with Michael Foucault. — London: Univ. of Mass. Press, 1988.
5. Хайдеггер М. Время и бытие: Статьи и выступления. — М.: Республика, 1993. — 447 с.
6. Найман, Е.А. Эстетические основания философской онтологии: дис. ... д-ра филос. наук. — М.: РГЕ, 2004. — 311 с. URL: <http://www.dslib.net/responses.html> (дата обращения: 15.01.2012).
7. Хюбнер Б. Произвольный этос и принудительность эстетики. — Минск: Пропилей, 2000. — 150 с.
8. Ваттимо Дж. Прозрачное общество. — М.: Логос, 2002. — 128 с.

Поступила 06.09.2012 г.